

С.А.Венгеров. Собрание сочинений, т. IV, 1919г. OCR Biografia.Ru

ТУРГЕНЕВСКИЙ АПОФЕОЗ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Не вошедшее в собранно сочинений Тургенева стихотворение в прозе „Порог”).

„Процессы пропагандистов, имевшие место в 1877 и 1878 годах" говорит Степняк в Подпольной России, „явились в то же время их апофеозом. Русское правительство, желая идти по стопам французской Второй Империи, умевшей так хорошо играть красным призраком, решило, чтобы разбор первого большого дела, — так называемого процесса „50-ти"— происходил публично. Оно надеялось, что уstraшенные привилегированные классы теснее сомкнутся вокруг власти и оставят всякие завиральные идеи. Но расчет оказался ошибочным. Даже те, которые враждебно относились к революционерам, были поражены их изумительной готовностью к самопожертвованию. „Да это святые"— восклицали все, кому удалось присутствовать на этом памятном суде".

В словах революционного писателя нет ни тени партийного преувеличения. Два поэтических произведения, вышедших из-под пера двух крупнейших представителей русской литературы в конце 70-х годов, вполне подтверждают сказанное Степняком. Одно из этих произведений хорошо известно и принадлежит Полонскому. Полонский по своим связям и служебным занятиям примыкал к правительственной России. Но вместе с тем, он был человек с детски-чистой душой и чуткий к нравственной красоте, в каких бы формах она не проявлялась. И вот этот цензор пишет в 1877--78 гг. одно из вдохновеннейших произведений своей музыки, в котором создает удивительно грациозный образ молодой пропагандистки, гибнущей в тюрьме:

Что мне она!— не жена, не любовница
И не родная мне дочь.
Так отчего-ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь?
Спать не дает оттого, что мне грезится
Молодость в душной тюрьме,—
Вижу я своды... , окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме...
С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до-полу темные
Космы тяжелых волос.
Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди.
Что мне она!— не жена, не любовница
И не родная мне дочь,
Так отчего-ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь?

Возникали споры о том, кому посвящено стихотворение Полонского — говорили о Вере Фигнер, говорили о Вере Засулич. Конечно, ни о той, ни о другой — не думал Полонский. Фигнер в 1877—1878 г.г. еще не была известна, а процесс Засулич окончился оправданием. Как всякое истинно-художественное произведение, стихотворение Полонского не относится ни к кому в отдельности. В нем схвачены общие черты всего геройского поколения 1870-х годов и из них главная — беззаветное самопожертвование.

Если уже непременно искать прототип узницы Полонского, то всего вероятнее образ ее навеян одной из наиболее симпатичных подсудимых процесса „Пятидесяти" — Софией Бардиной.

Еще более замечательно по своим художественным достоинствам тоже вызванное впечатлениями процессов 70-х годов другое поэтическое произведение, и на этот раз одного из величайших писателей земли русской. Я говорю о Тургеневском „Пороге". Оно принадлежит к циклу „Стихотворений в прозе", но по сию пору не входит в собрание сочинений Тургенева. Невелико это „стихотворение", но бесспорно и совершенно отвлекаясь от замечательного содержания своего, оно

принадлежит к числу перлов творчества Тургенева по необыкновенной сжатости, рельефности, яркости, благодаря чему на пространных каких – нибудь 40 строк очерчено целое движение огромной исторической важности.

„Порог“ должен войти во все учебные хрестоматии как обрасчик удивительнейшей художественной выразительности. Здесь гениально схвачена и выражена основная черта движения – тот вполне религиозный экстаз, с которым люди добровольно, в самый светлый период жизни оттолкнули от себя чашу жизненных наслаждений, чтобы пойти по пути величайших страданий, лишений и отказа от всего, что дорого и близко. Героиня „Порога“ стоит в центре того апофеоза русской женщины, которым является галерея женских типов Тургенева. Порыв русской женщины к свету, воплощенный Тургеневым в обаятельных образах Натальи, Аси, Елены, Марианны представлен здесь в наиболее лучезарном своем проявлении. Этот истинный перл Тургеневского творчества оканчивается буквально той же самой характеристикой, как и приведенная выше цитата Степняка. А между тем ни Тургенев не читал очерков Степняка, появившихся после „Стихотворений в прозе“, ни Степняк, писавший свои очерки, приблизительно в 1883 г. не знал „Порога“, ставшего известным значительно позже. Завершительный возглас „Святая“ подсказан, таким образом, самую жизнью и есть приговор истории.

ПОРОГ.

Я вижу громадное здание. В передней стене узкая дверь раскрыта настежь; за дверью утрюмая мгла.

Перед высоким порогом стоит девушка. . . русская девушка. Морозом дышит та непроглядная мгла и вместе с ледящей струей выносятся из глубины медлительный, глухой голос.

„О ты, что желаешь переступить этот порог, знаешь ли ты, что тебя ожидает“?

– Знаю, отвечает девушка. „Холод, голод, ненависть, насмешки, презрение, обида, тюрьма, болезнь, самая смерть“?

– Знаю.

„Отчуждение полное, одиночество“?

– Знаю . . . Я готова! Я готова перенести все страдания, все удары.

„Не только от врагов, но и от родных, от друзей“?

– Да! . . . и от них.

„Хорошо. Ты готова на жертву?“

Да.

„На безумную жертву? Ты погибнешь, – и никто. . . никто не будет даже знать, чью память почтить“.

– Мне не нужно ни благодарностей, ни сожаления. Мне не нужно имени.

„Готова ли ты . . . на преступление“?

Девушка потупила голову.

– И на преступление готова . . .

Голос не тотчас возобновил свои вопросы.

„Знаешь ли ты, заговорил он, наконец, что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь“?

– Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

„Войди“!

Девушка перешагнула порог – и тяжелая завеса упала за нею.

– „Дура“! проскрежетал кто-то сзади.

– „Святая“! пронеслось откуда-то в ответ.

<http://www.biografia.ru/cgi-bin/names.pl?oaction=show&letter=660>